

В.А. Останин
профессор ДВФУ;
Ю.В. Рожков
профессор ХГАЭП

«ШАНС-МЕНЕДЖМЕНТ» И «РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ» КАК ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Рискология пока входит в число внутренне противоречивых теорий. В частности, это касается двух крайних позиций. С одной стороны, риск в науке относят к опасности, с другой – к вероятности наступления случайного события. В статье доказывается, что риск это логическая конъюнкция опасности, вероятности реализации нежелательного события и ресурсов управления риском. Последнее составляет оригинальную научную трактовку авторами понятия «риск» в рискологии. Обосновывается, что наряду с доминированием управленческой стратегии риск-менеджмента имеет право на реализацию стратегии, ориентированной на шанс-менеджмент.

Ключевые слова: *страх, опасность, риск, шанс мера вероятности, вероятность риска и шанса, риск-менеджмент, шанс-менеджмент.*

Напомним изречение известного французского философа, математика Рене Декарта (1596–1650): «... всякий раз, когда суждения двух людей об одной и той же вещи оказываются противоположными, ясно, что по крайней мере один из них заблуждается или даже ни один из них, по-видимому, не обладает знанием» [3, с. 80]. Это в полной мере можно отнести и к теории риска, и к практическому риск-менеджменту.

Для современной экономической теории как в России, так и за рубежом, характерным является употребление одних и тех же терминов из области рискологии, но с различным смыслом. Наиболее известны две школы, одна из которых в качестве исходных оснований риска полагает саму опасность, которая может привести к ущербу, а вторая в качестве риска понимает количественную оценку самой вероятности наступления события. В результате риск предстает в теории как система двух контрарных, то есть противоположных суждений.

Полагаем, что риск не следует представлять как контрарные суждения по поводу его природы. Надо рассматривать его как понятие, обладающее своим специфическим концептом и денотатом, являющимся результатом умножения объёмов

перекрещивающихся понятий, так, как это принято рассматривать сложные явления в формальной логике. Сам же метод формирования исходных отправных концептов, безусловно, следует рассматривать как научный производил конкретного исследователя. При этом такой методологический подход характерен для любого исследователя, желает он этого или не желает [8]. Поэтому могут уже изначально вырастать различные ветви теорий как системы некоторых абстрактных идеализированных теоретических образов изучаемого явления.

Дальнейшее увеличение числа научных теорий и моделей множится за счёт разнообразия методов исследования, что также следует рассматривать как некоторую форму того же самого научного произвола. Однако эти методы здесь предопределены как самим объектом исследования, так и научными интересами, научными предпочтениями, культурой, научным потенциалом исследователя.

Вступать в дискуссию по поводу этих исходных базовых установок в научном исследовании лишено смысла. Критическому анализу может подвергаться логика исследования, корректное применение научного инструментария, наличие неполноты знания о предмете, несовершен-

ство метода, присутствие в нём логических противоречий, начиная с противоречий формальной, математической логики.

Поэтому результаты теоретических исследований могут быть применены для построения практических моделей лишь тогда, когда тот, кто их использует, относится к ним адекватно ситуации.

Ранее нами было приведены доказательства чёткой взаимосвязи категорий «страх», «опасность», «риск». При этом под риском мы предложили понимать логическую конъюнкцию величины (вероятности и массы) опасности и саму эту опасность [10].

Наша модель в определённой степени противоречит фундаментальной концепции Ф. Найта, понимающей риск как осознаваемую неопределённость или определяемую неопределённость. Найт отмечает: «Измеримая неопределённость, или собственно «риск» настолько отличается от неизмеримой, что вообще не является неопределённостью» [7, с. 30]. В нашем понимании риск не только отличается от измеримой неопределённости, как это имеет место у Ф. Найта, но и в его концепт привносится существенно значимое отличие.

Концепция Ф. Найта отражает исключительно только одну сторону явления «риск», а именно, со стороны количества в форме меры вероятности, оставляя за кадром не только качество этого явления, но и ещё одну количественную характеристику – меру самой опасности, в том числе и в стоимостной форме. Последняя под термином «масса риска» была введена в научный оборот одним из авторов настоящей статьи проф. Ю.В. Рожковым [13; 14]. Уже есть удачные примеры использования в России массы риска в расчётах при кредитовании и страховании жизни [2; 4]. Этот показатель можно применять даже в случае полного отсутствия возможности расчёта вероятности риска, например, в инновационном предпринимательстве [12].

Сущность риска нельзя представлять в форме вещи, непосредственного процесса, внешности. Утверждать, что риск есть конкретная опасность, есть скорее

следование методологии наивного идеализма, когда исследователь внешность начинает отождествлять с сущностью самой вещи [9]. Суть, сущность в этом случае достигаться не может, ибо, по Гегелю, только единство, достигаемое в синтезе качества и количества способно сформировать меру, а потом и закон, который в данном случае следует понимать как существенное явления, или сущность в строгом смысле слова. Поэтому исследователи, отождествляющие сущность риска с опасностью, так и те, которые под риском разумеют вероятность, впадают в крайности, предельные определения. Однако истина никогда не может лежать в крайностях, последние есть скорее форма научных заблуждений, теоретических недоразумений, формально-логических противоречий.

Наш методологический подход, основанный на диалектической логике, позволяет не отбрасывать эти две крайние научные позиции, а воспринимать каждую из них как одну из сторон более общей теоретической модели. Будучи односторонним выражением этого более богатого явления, риск вмещает в себя эти крайности, не отбрасывая, а преодолевая их односторонность. Таким образом, риск по определению есть не просто опасность или вероятность, а осознанная и оценённая опасность, которая получила своё количественное выражение в форме массы, размера самой опасности, меры вероятности наступления этого случайного события, а также опасность, которая может управляться, если субъект, несущий риск, обладает для этого необходимыми ресурсами. Поэтому понимая под риском только вероятность наступления самой опасности в результате случайного события, исследователь сталкивается только с одной стороной этой гораздо более сложной природы риска. Поэтому наше определение риска (см. выше) следует дополнить ресурсами, необходимыми для управления рисковыми событиями. Без ресурсов никакой риск-менеджмент невозможен. Даже уклонение от риска (отказ от осуществления хозяйственных и финансовых операций, от реализации инновационных

проектов, получения кредита и пр.) требует ресурсов.

Если денотат риска представить на кругах Эйлера (рисунок 1), то станет более отчётливо видно, что риск как логи-

ческая конъюнкция размера опасности, величины вероятности наступления этого случайного события и ресурсов по управлению риском есть заштрихованная площадь этой сложной фигуры.

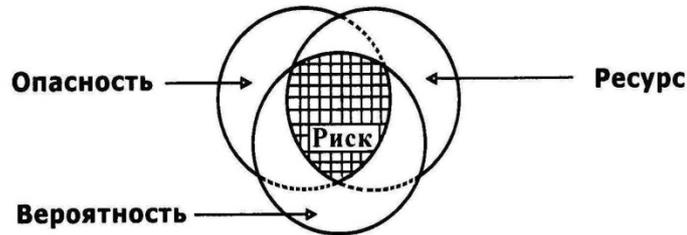

Рисунок 1 – Объём понятия «риск»

Исследователь сущности риска, должен ответить на один весьма принципиальный вопрос: где лежит сама опасность, где лежит модель, ожидание, переживание этой опасности, или сама экзистенция (лат. *existentia* – существование)? Мы считаем, что понятие «риск» сводится к тому, что он всецело лежит в области субъективного переживания индивидом возможного неблагоприятного события, оцениваемой опасности, что и отличает риск от страха.

Следует понимать тонкость различения мира объективного, в данном случае мира-объекта, который может представлять опасность для человека, от субъективного его отражения в мышлении, когда эта опасность приобретает как качественную, так и количественную оценку. Единство качества и количества формирует меру, которая становится в процессе дальнейшего познания существенным явлением, или законом, по Гегелю. Сохраняющееся воздействие объекта опасности на субъект через органы чувств человека формирует восприятие, которое лежит как бы в двух ипостасях одновременно, а именно, в области связей объекта и сфере его осознания мышлением.

Эта опасность, если она осознаётся человеком, оценивается по своей тяжести, вероятному наступлению и возможности преодоления его за счёт использования ресурса, вызывает аффект души, который мы называем риском. Если человек только чувствует опасность, или не осознаёт её, не видит, не понимает, не располагает необходимыми для этого

ресурсами, то нет и основания для утверждения, что мы имеем дело с риском. Предчувствование неосознаваемой опасности, как показывал ещё Сёрен Кьеркегор («Страх и трепет» – 1843; «Понятие страха» – 1844), может вызывать только аффект души в форме страха или ужаса. Если опасность чувствуется, но не получает своего осознания со стороны количества, качества, то она внушает только страх. Наконец, если человек не видит вообще опасности, то для него исчезает и основа страха. Он становится бесстрашным не потому, что преодолевает страх, пытаясь осознать его, оценить, соизмерить свои возможности для нейтрализации его последствий, а потому, что просто не видит, не чувствует оснований для формирования реакции на опасность в виде страха или ужаса [10].

Следовательно, риск не объективно существующая опасность, как упрощённо понимают эту категорию некоторые исследователи. (Так называемая «объективная концепция риска»). Особенно это заметно, когда категорию «риск» раскрывают цивилисты, опираясь на нормы действующего законодательства, где под риском понимается риск изменения обстоятельств (ГК РФ подп. 4 п. 2 ст. 451, п. 3 ст. 769, п. 2 ст. 929 и др.).

Таким образом, мы относим себя к тем авторам, которые риск рассматривают с субъективных позиций. Риск есть переживание души, которая осознаёт, оценивает, как саму опасность со стороны её тяжести, так и вероятности по-

следствий, соизмеряя при этом свои возможности снизить размер ущерба, то есть обладая при этом необходимыми ресурсами.

Все здравомыслящие ценят своё здоровье, осознают опасность его утраты. Но они не испытывают риска заболеть или потерять здоровье через столетия, как и не являются носителями риска умереть через, например, триста лет. Общество не выработало для этого необходимых ресурсов. Однако, как только такие ресурсы появятся, и они станут доступны для человека, то эту ситуацию уже можно оценить, как риск, то есть осознанный страх потерять здоровье через три столетия. Это даёт основание утверждать, что риск есть продукт, результат отрицания страха неосознанного, другими словами, понятие «риск» всегда входит в объём понятия «страх».

Хозяйствующий субъект является носителем риска, так как его деятельность связана с осознанием и оценкой объективных опасностей. Утверждение о том, что его прибыль имеет в своём основании риск, является, по меньшей мере, ошибочным суждением. Риск не является источником прибыли. Источником прибыли является хозяйственная деятельность, связанная с предпринимательством. То, что хозяйствующий субъект идёт на риск, совсем не ведёт к тому, что риск является его целью. Наоборот, он соизмеряет риски, избегает, снижает, оптимизирует, оставляя какую то их долю у себя в виде страха. Если же хозяйствующий субъект вообще проводит стратегию сведения к нулю риска, то, в соответствии с теоретической концепци-

ей Й. Шумпетера, Дж. Б. Кларка, он может рассчитывать только на факторные доходы от реализации своих активов в хозяйствовании. Если же его цель получение прибыли, то он обязан оставлять у себя риски на свой страх. В этом случае предметом его опасностей может стать недополучение прибыли, потеря, утрата капитала, потеря рынка. Если же его целью является прибыль, доход, то получение последнего сопутствует с риском потерь, утраты, недополучением ожидаемого эффекта.

Эта цель в форме прибыли есть предмет его вожделения, связанный с надеждой, верой в успех, что, как и риск является таким же аффектом души (лат. *affectus* – переживание, душевное волнение, страсть). Но так как вера в успех, так и ожидание возможного нежелательного результата образуют в своем единстве некоторую целостность, то есть единичное понятие, то это деление успеха на неуспех есть деление дихотомическое. Каждый исход следует рассматривать как случайное событие, вероятность исхода которого может быть определена на основании анализа всего предшествующего опыта. Однако, как целостность сумма вероятности положительного исхода, который мы можем назвать как вероятность шанса, плюс вероятность нежелательного исхода, то есть вероятность риска, всегда равна единице (рисунок 2). Или, если обозначить вероятность шанса как P_{sh} , а вероятность риска как P_r , то мы получим следующую тавтологическую по своей природе модель:

$$P_{sh} + P_r = 1 \quad (1)$$

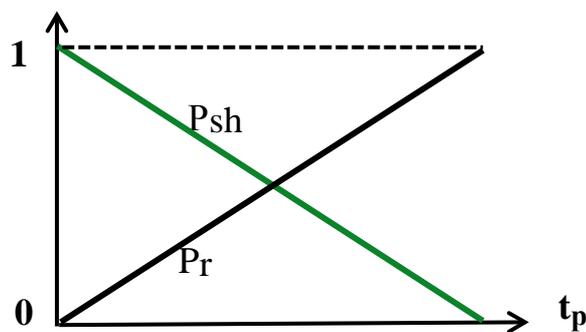

Рисунок 2 – Соотношение риска и шанса

Если система сохраняет основные свои параметры, не меняет своё качество, то возрастание вероятности шанса на успех автоматически означает, что вероятность риска будет уменьшаться. Это фактически означает, что снижение риска увеличит выигрыш хозяйствующего субъекта. Следовательно, хозяйствующий субъект не на риск должен идти, а стремиться сокращать вероятность потерь, в нашей терминологии – сокращать вероятность риска, исходя из реализуемой им стратегии управления бизнесом.

Любой процесс можно представить как последовательность технологических, организационно-экономических операций. По мере продвижения к конечному результату, вероятность риска будет уменьшаться, но одновременно в этой же степени будет возрастать вероятность шанса получения искомого конечного эффекта в соответствии с формулой (1). В самом же процессе в его текущей стадии вероятность наступления последующего эффекта может быть определена, если применить модель цепей Маркова. Для этого следует знать, вычислить вероятность наступления предшествующего события. Она будет определена как вероятность предшествующего события плюс вероятность перехода от события предшествующего к событию последующему. Если событие наступило, то это уже следует принимать как достоверный факт, а всю совокупность предшествующих событий следует приравнять единице.

Всё сказанное можно перенести и на обоснование вывода о правомочности введения в широкий научный оборот понятий «масса шанса», «ресурсы достижения шанса», «вероятность шанса»¹ и использования их в рамках новой науки – «шанс-менеджмент». Соотнесение денотатов отмеченных понятий можно выразить кругами Эйлера (рисунок 3).

Одновременно риск как переживание

¹ Если понятие «вероятность шанса» начинает получать распространение в экономической литературе [6], то «масса шанса», «ресурсы достижения шанса» относятся к авторским новациям.

есть противоположность шансу, как переживание возможной удачи, выгоды. Таким же образом мы можем представить и шанс, как логическую конъюнкцию переживаемого аффекта души от величины выигрыша, например, ожидаемой величины прибыли, объема продаж, снижения издержек, вероятности достижения этого положительного для хозяйствующего субъекта эффекта и необходимых для этого ресурсов. Всё это даёт теоретически основания для формулирования принципиальных направлений в управлении процессом достижения положительного результата. Речь идёт о размере выгоды, увеличении вероятности её получения, проведения необходимых вложений ресурсов в этот процесс, что можно выразить как инвестиции. Таким же образом инвестиции в предупредительные мероприятия в страховании могут позволить снижать риски [2]. Тем самым мы увеличиваем вероятность шанса получить необходимый результат. Переживание удачи есть однопорядковое явление наряду с переживанием страха потерь, утрат, гибели имущества. Но если первое хозяйствующий субъект стремится усилить, то нежелательный второй эффект он стремится избегать, прибегая к той или иной форме страхования.

При этом следует различать процессы уклонения от риска и оставления у себя в виде страх определённой величины риска. В первом случае мы избегаем риска, но это совсем не означает, что мы увеличили вероятность шанса. Шанс исчезает в той же мере, в которой исчезает и риск. Если же хозяйствующий субъект остаётся в бизнесе, то он оставляет у себя и риск, а, следовательно, он оставляет за собой и возможность надежды на успех, на достижение желаемого результата, то есть он сохраняет за собой и шанс. Именно в этом случае мероприятия, направленные на снижение вероятности риска приведут к возрастанию вероятности шанса.

Таким образом, шанс-менеджмент имеет все основания занять своё место в выборе концепции управления. Можно предположить, что складывающаяся ситуация будет подталкивать, понуждать

хозяйствующего субъекта определять в качестве доминирующей стратегии использования инструментария риск-менеджмента, а в другой субъект будет стремиться отдавать предпочтение шанс-менеджменту. Однако эти две доминирующие стратегии не следует рассматривать

как независимые друг от друга. В своем единстве они образуют эффективную систему хозяйственного управления, ориентированную на результат, либо процессно-ориентированную стратегию хозяйственного управления.

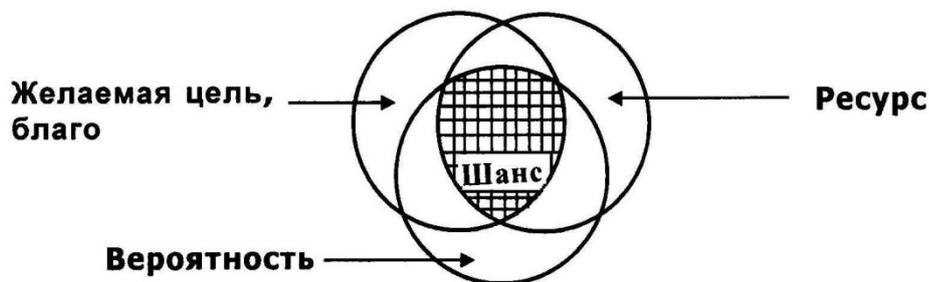

Рисунок 3 – Объём понятия «шанс»

Шанс, как переживание возможного успеха с учётом размера самого будущего результата, его вероятности и используемых при этом ресурсов, может принимать различные формы, например, от необоснованных надежд и вожделиний, до недооценки своего возможного будущего результата. В этом случае его природа и природа страха, как осознаваемого и обеспеченного ресурсами в управлении ресурсами, в принципе одинакова.

Страх – более объёмное понятие по сравнению с риском, его денотат существенно шире. Страх – переживание любой опасности, как опасности, которая может получить своё измерение и оценку на основе научной или обыденной человеческой практики. Страх, как и риск, в этом случае есть аффекты души, которые вызывают дискомфортное бытие индивида и которых субъект стремится избежать. Стремление получать порции страха может исходить из природы человека, но это скорее лежит в сфере игры, забавы, когда человек получает удовольствие от переживания страха, его преодоления. Однако это можно отнести к исключениям, а не закону. Последний находит свои формы выражения в стремлении избежать страха, преодолеть его, снизить степень аффекта.

Существующие противоречия теории риска, теории шанса будут преодолеваются разработкой новой теории, принятием новых научных оснований, научных

предпосылок, в том числе и в форме предвзвешенного научного мышления. Противоречия же хозяйствующей практики будут преодолеваются только практикой, которая одновременно должна быть оплодотворена научным осмыслением проблем.

Как видим, шанс и риск есть диалектические противоположности. Для метода диалектического противоречия характерно не отбрасывание какой-то диалектической противоположности, а разрешение этого противоречия. В хозяйственной деятельности уже не может отбрасываться риск, не затрагивая при этом шанса. Разрешение будет проявляться в формировании нового основания в выборе методов хозяйствования, когда сущностные с моменты прежнего противоречия как-бы ушли в основание, а сам процесс, в соответствии с терминологией Гегеля, можно охарактеризовать как снятие, или *das Aufheben* (нем).

Человеческая практика выработала соответствующие методы управления страхами, а, следовательно, и рисками. Эта сфера человеческой практики, закреплённая в обыденном и научном сознании, обыденной и научной практике носит название страхования в самом широком смысле этого денотата.

Само понятие «страхование» в обыденном языке, а также в научном обороте нагружено различными концептами. По-

этому есть определённый смысл под страхованием понимать как теорию страхования, так и практику страхования, опять же вкладывая различный смысл в само это понятие. В широком смысле этого термина страхование есть форма самосохранения индивида, самосохранение организации, института, государства, всего мирового сообщества, внимающее в себя весь доступный арсенал ресурсов, понимания опасности потерь, конфликтов, регулирования дискомфорта бытия индивидов в обществе. Этим самым страхование отличается от концепта, которым оперируют профессиональные участники рынка страхования. В последнем случае его участники стремятся передать за определённую плату эти риски страховщикам в управление до уровня, допустимый остаток от которого они полагают возможным оставить у себя.

Однако если природа страха может находиться вне возможностей понимания и осознания его индивидами, то есть его величина не может соответственно поддаваться качественному анализу и количественной оценке, то этот страх обречён сосуществовать как неизбежный нежелательный аффект, избавиться от которого индивид не в состоянии. Данный неосознаваемый страх может быть различным по степени переживания, переходя от испуга в ужас. Страхи как переживания души подлежат уменьшению, передаче тогда, когда индивид располагает для этого ресурсами. Второе условие необходимое, но недостаточное – в обществе должно сформироваться определённая система экономических отношений, позволяющая на основаниях эквивалентности, полезности услуг и их ценности распределять эти страхи в сообществе. Другими словами, в обществе должен сформироваться рынок страховых продуктов.

Не все страхи подлежат страхованию, а только те, которые принимают форму осознаваемых и оцениваемых, или рисков. Ни одна компания не сможет принять на себя риски, которыми они по своей природе не являются, ни один субъект не избавится от страхов, если он не понимает их природы и величины. Страх и

риск одной природы – аффекты от переживания опасности, являющиеся причинами дискомфорта бытия, и которые лежат в сфере субъективного переживания объективных опасностей. Тем самым обнаруживаем общность страха и риска. Если соотнести объёмы этих понятий, то объём понятия «страх» будет понятием подчиняющим, понятие же «риск» – понятием подчинённым, лежащим полностью в объёме понятия «страх».

Однако природа человеческих переживаний и порождаемые особенностями субъективного отражения и переживания объективного окружения дают достаточно оснований для утверждения о том, что некоторые опасности могут быть мнимыми. Это порождает мнимые страхи и соответственно мнимые риски, или квазириски. Последствия для индивида в любом случае будут только отрицательные. Если страхи преувеличены, то понимая и оценивая этот феномен как риск, индивид тратит свои ресурсы на снятие этой несуществующей квазиопасности, с надуманной вероятностью её наступления. Если же индивид преуменьшает опасность, то его поведение скорее напоминает поведение афериста.

Все эти рассуждения в полной мере следует распространить и на противоположные феномены – шансы. Завышенные цели, которые не подкреплены знанием природы, количественно переоценены, для достижения которых отсутствуют необходимые ресурсы, способны сформировать у хозяйствующих субъектов лишь иллюзию, подобно строительству замка на небесах царя Гундофара из деяний Иуды Фомы. Подобным аффектам души мы можем присвоить научный термин «квази-шанс».

Люди, не видящие опасностей и рисков, которые с этим связаны, сами являются объектами повышенной опасности как для отдельных индивидов, так и для сообщества в целом. Последнее ещё более усиливается, если они обладают и реализуют отношения управления ценностями или самими людьми. Таким образом, можно сделать вывод, что страхованию в экономике подлежат только эконо-

мические риски, а не страхи вообще, то есть страхи оцениваемые и осознаваемые индивидами как в сфере качества, так и количества, и которые могут преследовать субъектов хозяйствования. Квази-страхи, как и квази-шансы могут быть сняты самой духовной деятельностью, сфера которой лежит уже в психологии или психиатрии, когда преодолеваются соответствующие душевные делирии.

Если речь вести о государственном институте, то риски несёт институт в лице ответственных лиц, которым по своим должностным обязанностям вменена организация и осуществление функций государственного управления. Но одновременно риски несёт и сам участник этого процесса, актер – должностное ответственное лицо. Рискам нарушения управляющих процедур противостоит шанс недобросовестных участников государственной сделки, государственной услуги получить дополнительный доход на счёт реализации своего монопольного положения в этой сделке. Здесь интересы общего, то есть государственного института, приносятся в жертву частным интересам должностного лица, который тем самым осуществляет оппортунистическую частную политику [11]. Но так как вероятность риска и вероятность шанса есть величина постоянная и равная единице, то результат реализации этой сделки будет определяться множеством факторов, которые по отношению к основным участникам будут иметь как внешнюю, так и внутреннюю природу.

Каково соотношение риска и шанса в действительности – есть проблема не только теории, но и действительности всей системы государственного, муниципального, корпоративного управления в стране. Наконец, какими инструментами, механизмами располагают основные акторы этого процесса, чтобы получить в руки действенный инструментарий для формирования удовлетворяющей институт государства с позиции доступности ресурсов, законодательства, этики, – общественных институтов государства – будет определяться внутренней политикой государства, реальным соотношением

здоровых сил в обществе и коррумпированного чиновничества. Отсюда следует, что теоретическая модель будет усложняться, если мы будем принимать в расчёт более реальную ситуацию, когда ответственное должностное лицо начинает реализовывать оппортунистическую политику. Это должностное лицо, или лицо, принимающее решение, уже не может не выражать интерес государства в его форме интереса государственного института по наиболее полному выполнению всеми участниками законодательства, норм этики. Фактически в этом случае должностное лицо начинает принимать на себя как риски, но одновременно и шансы, деформируя тем самым всю систему как шанс-менеджмента, так и риск-менеджмента. Личные риски трансформируются в риски общественные, а само должностное лицо осуществляет интермедиацию риска. (Процессы интермедиации рисков исследованы в [5]). В результате риски могут, как накапливаться, так и уменьшаться, в зависимости от доминирующих стратегий всех участников процесса государственного управления. Систематическое сознательное нарушение этики государственного или муниципального служащего способно накапливать риски, а внедрение действенных механизмов, которые осуществляли бы превенцию рисков, вели бы к снижению массы риска недобросовестного исполнения должностным лицом своих функций.

Если под страхованием понимать как явление осмысленного взаимного общественного доверия в обществе, основанного на взаимном учёте и понимании как опасностей для общественного бытия, так и выгод, шанса от общественной практики, то риск-менеджмент есть не более как одна из многочисленных форм (своего рода акциденций) страхования.

Понимание риска как конъюнкции опасности, вероятности наступления этой опасности, массы и ресурсов по его управлению позволяет обогатить практику как шанс-менеджмента, так и риск-менеджмента. Для этого следует, с одной стороны, усилить саму опасность для лица, который склонен к оппортунистиче-

скому поведению, а с другой, – создавать механизмы, позволяющие увеличивать вероятность реализации риска для этого лица. Это создаст реальную возможность управлять как рисками, так и шансами.

Несмотря на то, что «шанс-менеджмент» как термин является несколько непривычным для человеческой практики, он может представлять научный интерес для исследователей. По своему содержанию понятие «шанс-менеджмент» есть такое же приемлемое для научного и практического оборота понятие, как и «риск-менеджмент». Более того, индивиды ориентируются на удачу, на выгоду, обходя опасности, нейтрализуя риски и страхи. Шанс одного участника события, способного формировать конфликт интересов, есть риск другого. Вероятность реализации удачи одного с противоположными интересами, есть ве-

роятность потерь для другого. Если не учитывать последнее, то сохраняются основания оставаться и далее в сфере неэффективного государственного и муниципального управления с одновременно более успешно реализующейся стратегией недобросовестных акторов государственных услуг, предпочитающих одновременно стратегию, ориентированную на шанс за счёт подавления законных интересов рядовых граждан. Однако последнее ведёт только к одному – возрастанию массы риска для всего общества и связанных с этим возможных безвозвратных потерь. Оппортунистическую политику государственного актора с доминированием стратегии шанс-менеджмента за счёт нарастания рисков для всего общества следует признать порочной формой практики государственного или муниципального управления.

Список использованных источников:

1. Бахматов С.А., Семёнова Е.В. Риск в накопительном страховании жизни: сущность и методы оценки // Известия ИГЭА. 2014. № 2. С. 5–12.
2. Васюкова Л.К., В.А.Останин. Инвестиции как форма реализации предупредительной функции страхования: монография. Новосибирск: ООО «Агентство «СИБПРИНТ», 2012. 127 с.
3. Декарт Р. Сочинения. Правила для руководства ума. URL: http://krotov.info/lib_sec/05_d/dek/dekart_1_077.htm (дата обращения: 06.09.2014).
4. Дроздовская Л.П., Демчук И.Н. Масса риска как показатель, применяемый при расчётах инвестиционных проектов // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2010. № 4. С. 30–36.
5. Дроздовская Л.П., Рожков Ю.В. Банковская сфера: механизм информационно-финансовой интермедиации: монография / под научной ред. проф. Ю.В. Рожкова. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2013. 320 с.
6. Мадера А.Г. Риски и шансы: принятие решения в условиях неопределённого будущего // Менеджмент в России и за рубежом». 2014. № 2. С. 12–21.
7. Найт Ф.Х. Риск, неопределённость и прибыль / пер. с англ. М. : Дело. 2003. 360 с.
8. Останин В.А. Воля в структуре смысла. Владивосток : ВФ РТА, 2005. 228 с.
9. Останин В.А. Философия присвоения: монография / науч. ред. Ю.В. Рожков. Владивосток : РИО ВФ РТА, 2011. 300 с.
10. Останин В.А., Плесовских Ю.Г., Рожков Ю.В. Триада «Страх-Опасность-Риск» и экономическая безопасность предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2012. № 2. С. 181–185.
11. Останин В.А., Рожков Ю.В. Девиантное поведение должностных лиц: неонституциональные риски // Сибирская финансовая школа. 2013. №2(97). С. 22–26.
12. Останин В.А., Рожков Ю.В. Шансы инновационного предпринимательства: проблемы методологии и оценки // Сибирская финансовая школа. 2014. № 1. С. 81–85.
13. Рожков Ю.В., Дроздовская Л.П. О массе риска как инструменте банковского риск-менеджмента // Банковское дело. 2010. № 7. С. 43–48.
14. Рожков Ю.В., Дроздовская Л.П. Финансовые «пузыри» и масса риска // Финансы и кредит. 2010. № 46. С. 2–12.